

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-4-746-751

КОРАБЛИН Константин Климентьевич,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Дальневосточного института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России),
г. Хабаровск,
e-mail: kkorablin@mail.ru

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Предметом настоящего научного исследования выступает тюремная система и режим содержания осужденных в местах лишения свободы дореволюционной России. Цель работы – выявление правовых, социальных и идеологических основ функционирования тюремных учреждений в контексте их исторического развития. Методологическую основу исследования составляют историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и аксиологический методы. В результате анализа нормативных правовых актов, архивных данных и научной литературы установлено, что пенитенциарная политика дореволюционной России носила противоречивый характер, где гуманистические идеи сочетались с сословной дискриминацией и административным произволом. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выявленных историко-правовых закономерностей при оценке современных тюремных реформ. Научная новизна работы состоит в системном подходе к анализу механизмов исправления осужденных через труд, религию и воспитание. В качестве основного вывода в работе формулируется тезис о двойственной природе наказания в виде тюремного заключения: внешне модернизированного, но глубоко традиционалистского по своей сущности.

Ключевые слова: дореволюционный период российской истории, уголовно-исполнительная политика, наказание в виде лишения свободы, тюремное заключение, осужденные, режим содержания осужденных, исправительная сущность наказания.

KORABLIN Konstantin Klimentyevich,
Candidate of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law and Process
of the Far Eastern Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Khabarovsk

IMPRISONMENT AND DETENTION OF CONVICTS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Annotation. The subject of this scientific study is the prison system and the regime of detention of convicts in places of imprisonment in pre-revolutionary Russia. The purpose of the work is to identify the legal, social and ideological foundations of the functioning of prison institutions in the context of their historical development. The methodological basis of the study is historical-legal, formal-legal, comparative-legal and axiological methods. As a result of an analysis of regulatory legal acts, archival data and scientific literature, it was established that the penitentiary policy of pre-revolutionary Russia was controversial, where humanistic ideas were combined with class discrimination

and administrative arbitrariness. The practical significance of the study lies in the possibility of using the identified historical and legal patterns in assessing modern prison reforms. The scientific novelty of the work is a systematic approach to the analysis of the mechanisms of correction of convicts through work, religion and education. As the main conclusion in the work, the thesis is formulated about the dual nature of punishment in the form of imprisonment: outwardly modernized, but deeply traditionalist in essence.

Key words: *pre-revolutionary period of Russian history, penal policy, punishment in the form of imprisonment, imprisonment, convicts, regime of detention of convicts, correctional essence of punishment.*

Введение

Проблематика содержания осужденных в местах лишения свободы дореволюционной России представляет собой важный фрагмент отечественной правовой истории, позволяющий не только реконструировать эволюцию уголовно-исполнительной политики, но и осмыслить ее взаимосвязь с государственными, социокультурными и религиозными институтами. В современных условиях, когда в России продолжается поиск эффективных моделей исполнения наказания в виде лишения свободы, исторический опыт приобретает особую значимость как источник правовых ориентиров и критической рефлексии.

Несмотря на значительные достижения в исследовании отдельных аспектов тюремной реформы XIX в., многие вопросы, касающиеся повседневного режима содержания осужденных, их социальной стратификации, механизмов воспитательного воздействия на них, а также роли общественных и религиозных институтов, до сих пор не получили системного и комплексного анализа. В этой связи, особую актуальность приобретают сравнительные исследования, позволяющие выявить преемственность и инерционные элементы в развитии современной уголовно-исполнительной системы, многие черты которой восходят к практикам царской России.

Проблемы и вызовы

Формирование тюремной системы в России представляет собой сложный процесс, охватывающий несколько исторических этапов, отражающий особенности общественно-политического устройства страны. Вплоть до XVI в. идея системного лишения свободы как формы наказания практически не применялась: основными видами карательного воздействия на нарушителей закона, выступали смертная казнь, телесные наказания, изгнание из общины, а также различного рода имущественные взыскания. Места заключения, в том числе монастырские кельи и подземелья крепостей, использовались преимущественно для временного содержания лиц, подлежащих судебному разбирательству, или для изоляции политически неблагонадежных субъектов.

Значимым рубежом эволюции отечественной уголовно-исполнительной практики стала разработка кодифицированных актов – судебных 1497 и 1550 гг., в которых тюремное заключение впервые упоминается как самостоятельная санкция, применяемая к определенным категориям преступников. В этот период появляются три основных типа мест лишения свободы: частные тюрьмы при дворах землевладельцев, государственные тюремные сооружения, как правило, размещенные в крупных административных центрах, и монастырские изоляторы (кельи), предназначенные для духовных лиц и еретиков. Архитектурно и функционально эти учреждения отличались крайней примитивностью и в большей степени исполняли функцию устрашения и физической изоляции, нежели исправления.

Следующий важный исторический этап непосредственно связан с реформаторскими инициативами Петра I. Уже в начале XVIII в. предпринимаются первые попытки унификации условий содержания и дифференциации заключенных. Однако данная практика долгое время оставалась неоднородной: условия содержания арестантов варьировались от крайней жестокости до относительной терпимости, зачастую определяемой сословной принадлежностью арестанта или произволом, исходившим от местной администрации.

Принципиально новый вектор развития тюремной системы был задан во второй половине XVIII в. В правление императрицы Екатерины II осуществлялась деятельность по созданию специальных «смирительных» и «работных» домов, целью которых была не только изоляция заключаемых в них лиц, но также их исправление через труд и религиозное наставление. Нормативные нововведения далеко не всегда воплощались в жизнь, особенно в провинциальной России, где уголовно-исполнительные практики по-прежнему оставались архаичными и во многом зависели от уровня местной бюрократии [4, с. 101].

В результате, к началу XIX столетия в России сложилась разрозненная, неустойчивая, но уже структурно выраженная система мест лишения свободы, находящаяся на стыке правового формализма, сословного порядка и морально-религи-

озных представлений об исправлении. Весь XIX в. стал поворотным моментом в развитии российской уголовно-исполнительной системы: от разрозненных и полуархаичных тюремных учреждений с произвольным режимом содержания осужденных в них, государство постепенно перешло к централизованной, кодифицированной, концептуализированной тюремной политике. Стимулом к этому послужили не только внутренние правовые и социальные вызовы, но и влияние гуманистических идей эпохи Просвещения, проникших в российское правовое сознание преимущественно через западноевропейскую философию и культуру, а также усилия, предпринимаемые самодержавной властью, по модернизации государственных институтов управления.

Особую роль в начале XIX в. сыграло учреждение «Общества попечительного о тюрьмах» по указу императора Александра I от 19 июля 1819 г. Это организация, вдохновленная религиозно-нравственными императивами, стала первой попыткой синтеза государственной и общественной инициативы в сфере исправления преступников [1, с. 12]. В уставных положениях Общества отражались основные гуманистические принципы: через «наставление в вере», «приобщение к труду» и «сострадание» оказывать воздействие на заключенных – морально падших лиц, но еще способных к возрождению личности.

Уже в 1840-е гг. по всей стране начинается широкое распространение губернских и уездных попечительных тюремных комитетов, финансируемых, как правило, за счет добровольных пожертвований дворянства, духовенства и купечества. Этот элемент общественного участия не только отражал дух того времени, но и служил своеобразным механизмом «перевода» уголовной репрессии в сферу нравственно-религиозного воздействия. Оказание бескорыстной материальной и финансовой помощи тюрьмам, становилось формой реализации христианской добродетели.

Кульминацией реформаторской активности царской власти является принятие 7 ноября 1851 г. Устава «Общества попечительного о тюрьмах», закрепившего четкую правовую структуру и распределение полномочий между его органами управления. Общество получило статус организации, действующей под «высочайшим покровительством», с правом наблюдения за тюремным бытом, обеспечением арестантов, духовным наставлением, строительством храмов при тюрьмах и устройством больничных помещений. На всем протяжении второй половины XIX в. происходит последовательное выстраивание классификационной и режимной системы содержания преступников. Вводится дифференциация заключен-

ных по полу, возрасту, сословному и имущественному признаку, характеру и степени тяжести совершенного ими преступления. Уголовно-исполнительная система приобретает ярко выраженные стратификационные черты: для высших сословий создаются облегченные режимы содержания, тогда как представители низших классов подвергаются более суровым условиям пребывания в тюрьмах, включая содержание в железных кандалах, ограничение в питании и отсутствие элементарных санитарно-гигиенических норм.

На идеологическом уровне тюремная реформа XIX в. реализовывала амбивалентный замысел: с одной стороны – гуманизацию, нравственное исправление, постепенное приближение к европейским образцам; с другой – сохранение сословного порядка и монархического контроля, при котором лишение свободы продолжало рассматриваться не как способ социальной реабилитации, а как инструмент поддержания установленной иерархии и политической стабильности.

Одним из элементов дореволюционной тюремной системы являлся многоступенчатый режим содержания осужденных. Условия заключения прямо зависели от их сословного происхождения. Уже при Екатерине II предусматривалось разделение арестантов на группы по сословной принадлежности: чиновники, дворяне, купцы, мещане, крестьяне, а также – отдельно – «дворовые люди» и лица «непотребного жития». Сословный статус определял объем допустимых привилегий: от наличия постелей, столовой утвари и одежды, до возможности заказа пищи извне и получения свиданий с родственниками. Политические заключенные, особенно из числа дворян и интеллигенции, содержались в условиях, существенно отличавшихся от режима, установленного для «общих» уголовных преступников. Их камеры нередко представляли собой полуобустроенные жилые помещения, оснащенные письменными принадлежностями, книгами, и даже зеркалами – тогда как представители низших сословий часто ютились в тюремных бараках, подверженных сырости, перенаселению и отсутствию гигиены [7, с. 154].

Согласно реформе тюремного заключения, проведенной в период царствования императора Александра I, была установлена трехступенчатая система распределения осужденных:

первая группа – особо опасные преступники (убийцы, изменники, святотатцы, разбойники), которые содержались в кандалах, в помещениях с решетками;

вторая группа – воры, мошенники, насильники, которые отбывали наказание в колодках;

третья группа – должники, подозреваемые в незначительных преступлениях, которые содержались в облегченных условиях при городничествах [5, с. 316].

До XVIII в. в российских тюрьмах не существовало четко выраженного деления по половому признаку. Мужчины и женщины зачастую содержались вместе. Лишь в первой трети XIX в. раздельное содержание мужчин и женщин было нормативно закреплено, а в некоторых тюрьмах стали создаваться отдельные «женские избы» [8, с. 199]. Женщины-заключенные, особенно политические, занимали уникальное положение в тюремной системе: с одной стороны – подлежали формальному равенству с мужчинами, с другой – фактически испытывали дополнительные страдания из-за нехватки адаптированных условий содержания, отсутствия женского персонала и правовой неопределенности их статуса [6, с. 39].

Значительное место в системе исполнения наказаний в виде лишения свободы занимали монастырские тюрьмы, такие как Соловецкий монастырь или Спасо-Евфимиева обитель в Суздале [10, с. 78]. Эти учреждения одновременно выполняли как карательно-изолирующую, так и нравственно-воспитательную функцию. Арестанты в них подвергались молитвенно-дисциплинарным практикам, тяжелому физическому труду и длительным периодам молчания. Однако, даже здесь сохранялась кастовая иерархия: представители высших сословий, сосланные в монастырь за политические прегрешения, зачастую жили в отдельных кельях с собственной прислугой и относительной свободой передвижения по территории православной обители.

Во второй половине XIX в. в уголовно-исполнительной политике Российской империи усиливается акцент на воспитательной функции тюремного заключения, в рамках которой труд и религия рассматривались не только как средство поддержания внутреннего распорядка и снижения дисциплинарных нарушений, но прежде всего – как механизм морального «перерождения» личности осужденного. Данная тенденция укоренилась в религиозно-нравственной доктрине, согласно которой страдание, покаяние и физические усилия (старания, упражнения, труд) способствовали очищению от греха.

Основой для внедрения трудовой дисциплины в дореволюционных тюремных учреждениях стало положение о возможности исправления осужденного через общественно полезный физический труд. Принятые уставы и внутренние регламенты, предусматривали для заключенных обязательное участие в производственных работах, включая изготовление веревок, тканей, дере-

вянных изделий, строительные и подсобные работы на территории тюрьмы, сельскохозяйственный труд в приарестантских колониях и т. п. В некоторых губернских тюрьмах существовали даже мини-фабрики, продукция которых продавалась на местных рынках.

Особое внимание в процессе функционирования тюремной системы уделялось трудовой дисциплине как форме воспитания воли осужденных. М.Н. Галкин-Враской, как один из наиболее влиятельных теоретиков тюремного дела своего времени, подчеркивал необходимость приучения заключенных к целеустремленному и полезному усилию [3, с. 379].

Наряду с трудовой занятостью, важной составляющей воспитательного воздействия на осужденных было религиозное просвещение. В тюремных замках систематически проводились богослужения, исповеди, проповеди, создавались специальные библиотеки духовной литературы. Роль священников при тюрьмах выходила далеко за рамки религиозно-культовой функции: они нередко выступали в качестве наставников, духовных утешителей и даже посредников между заключенными и администрацией [9, с. 152].

В ряде мест лишения свободы предпринимались попытки создания тюремных школ, где обучение было посвящено письму, чтению, заучиванию законов Божьих, религиозному просвещению. Однако, уровень преподавания в таких учебных заведениях был крайне неравномерным: от квалифицированных педагогов (чаще всего, при крупных губернских тюрьмах) до случайных лиц, не имевших необходимой подготовки. В некоторых тюрьмах существовали ремесленные классы, где осужденные обучались сапожному, столярному, кузнечному делу. Эти занятия одновременно выполняли экономическую и воспитательную функции: формировали у арестантов трудовые навыки и готовили их к возвращению в общество.

Итоги и выводы

Вместе с тем, несмотря на прогрессивные устремления самодержавной власти и последовательные попытки проведения реформ, дореволюционная тюремная система России в своей основе сохраняла множество нерешенных системных проблем и противоречий, проистекавших из правовой, административно-управленческой незрелости и из глубинных политических и социально-экономических реалий той исторической эпохи. Одной из главных проблем, было отсутствие единообразия в организации тюремного дела. Управление тюрьмами отличалось высоким уровнем формализма и децентрализации [2, с. 15].

Не менее острым, являлось противоречие, которое возникло между декларируемыми гуманистическими установками и их практической реализацией. Стремление к исправлению и нравственному возвышению заключенных, зафиксированное в уставных документах того времени, зачастую оставалось риторической фигурой: тюрьмы продолжали выполнять преимущественно карательную и изоляционную функцию. Труд, молитва, обучение – все это либо отсутствовало, либо превращалось в формальность.

Заключение

Таким образом, тюремная система дореволюционной России к началу XX в. представляла собой весьма противоречивую конструкцию, которая сочетала в себе: модернизационные устремления, но с архаичными механизмами и способами управления; нравственную риторику, но с практикой подавления и унижения личности осужденного; четко разработанную правовую регламентацию института исполнения наказания с фактическим беззаконием, царившим в местах лишения свободы. С одной стороны, прослеживается поступательное движение от бессистемной репрессивной практики к институционально оформленной модели наказания в виде лишения свободы, основанной на нормативных правовых актах, централизованном управлении местами заключения и декларируемой органами государственной власти политикой гуманизации уголовного наказания. С другой, сохранившиеся сословные барьеры, неравномерность условий содержания осужденных, грубый произвол тюремной администрации и проявления жестокости, прикрываемые различными формами внешнего благополучия, благотворительности и гуманизма, делали эту систему весьма неэффективной и малоприспособленной для подлинной реализации исправительно-воспитательных функций исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Список литературы:

- [1] Беляева Л.И. Роль общественности в тюремных преобразованиях XIX в. в России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 5-19.
- [2] Варенцова Л.Ю., Варенцов С.Ю. Из истории нижегородского губернского попечительного о тюрьмах комитета в XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (19). С. 12-18.
- [3] Гончаров Д.Ю., Грушин Ф.В., Полосухина О.В. Уголовно-исполнительная политика в сфере труда осужденных к лишению свободы (с уче-

том взглядов М.Н. Галкина-Враского) // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 4. С. 377-381.

[4] Греков М.Л., Гайдаш Т.И. Эволюция системы наказаний и формирование пенитенциарного законодательства России в XVI – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 99-102.

[5] Дементьев С.И. Классификация заключенных в тюремных учреждениях: опыт дореволюционной России // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 312-319.

[6] Калашникова Т.В., Калашникова М.М., Кожевникова Е.Н. Исторические предпосылки психологического сопровождения осужденных женщин, имеющих детей, в дореволюционной России // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3 (48). С. 38-45.

[7] Короблин К.К. Эволюция уголовно-исполнительного законодательства и формирование комплексной системы исполнения наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 153-156.

[8] Никитин А.М., Лосева С.Н. Женщины-заключенные в дореволюционной России (по материалам исследований М.Н. Гернета) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 196-204.

[9] Субботина О.М. Пастырское служение в тюрьмах дореволюционной России // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 4. С. 151-153.

[10] Федотова И.Н. К истории монастырских тюрем в России: Суздальская Спасо-Евфимиева обитель как место лишения свободы (конец XVIII – начало XX века) // Интеллигенция и мир. 2018. № 2. С. 75-86.

Spisok literatury:

- [1] Belyaeva L.I. Rol' obshchestvennosti v tyuremnykh preobrazovaniyakh XIX v. v Rossii // Penitencijarnaya nauka. 2021. T. 15. № 1 (53). S. 5-19.
- [2] Varencova L.Yu., Varencov S.Yu. Iz istorii nizhegorodskogo gubernskogo popечitel'nogo o tyur'mah komiteta v XIX – nachale XX v. // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2011. № 3 (19). S. 12-18.
- [3] Goncharov D.Yu., Grushin F.V., Polosuhina O.V. Ugolovno-ispolnitel'naya politika v sfere truda osuzhdennykh k lisheniyu svobody (s uchetoм vzglyadov M.N. Galkina-Vraskogo) // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2018. T. 13. № 4. S. 377-381.
- [4] Grekov M.L., Gajdash T.I. Evolyuciya sistemy nakazanij i formirovanie penitencijarnogo

zakonodatel'stva Rossii v XVI – nachale XX v. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2017. № 11. S. 99-102.

[5] Dement'ev S.I. Klassifikatsiya zaklyuchennykh v tyuremnykh uchrezhdeniyah: opyt dorevol'yucionnoy Rossii // Obshchestvo i pravo. 2012. № 2 (39). S. 312-319.

[6] Kalashnikova T.V., Kalashnikova M.M., Kozhevnikova E.N. Istoricheskie predposylki psichologicheskogo soprovozhdeniya osuzhdennykh zhen-shchin, imeyushchih detej, v dorevol'yucionnoy Rossii // Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya. 2019. № 3 (48). S. 38-45.

[7] Korablin K.K. Evolyuciya ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva i formirovanie kompleksnoj sistemy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svo-

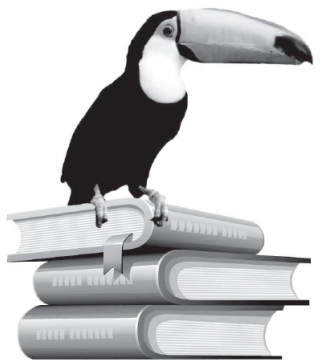
body v dorevol'yucionnoy Rossii // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. T. 8. № 2 (27). S. 153-156.

[8] Nikitin A.M., Loseva S.N. Zhenshchiny-zaklyuchennyye v dorevol'yucionnoy Rossii (po materialam issledovaniy M.N. Gerneta) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 430. S. 196-204.

[9] Subbotina O.M. Pastyrskoe sluzhenie v tyur'mah dorevol'yucionnoy Rossii // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. 2017. № 4. S. 151-153.

[10] Fedotova I.N. K istorii monastyrskih tyurem v Rossii: Suzdal'skaya Spaso-Evfimieva obitel' kak mesto lisheniya svobody (konec XVIII – nachalo XX veka) // Intelligenciya i mir. 2018. № 2. S. 75-86.





Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru